

НАУЧНЫЙ ЭКСПЕРТ

Научный электронный журнал

ВЫПУСК

11

2008

Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы науки и образования

В.И. Якунин

НАУКА И ВЛАСТЬ: АКТУАЛЬНЫЕ РОССИЙСКИЕ ЗАДАЧИ.....5

Е.А. Лисина

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ «УТЕЧКИ МОЗГОВ»
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ СИТУАЦИИ.....21

Бизнес и общество

М.В. Вилисов

ГОСУДАРСТВЕННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ
МОТИВАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ ЧАСТНОГО КАПИТАЛА
В ИНТЕРЕСАХ ОБЩЕСТВА.....30

Социальная политика

А. А. Шулус

СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА.....51

Региональная политика

Т.С. Лыткина

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СЕЛЬСКИХ
ЖИТЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....58

Истоки российской культуры

В.Э. Багдасарян

ПРАВОВЫЕ УНИВЕРСАЛИИ И ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ СПЕЦИФИКА.....70

Зарубежный опыт

А.П. Сафронов

ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ШВЕДСКОЙ МОДЕЛИ «БЛАГОСОСТОЯНИЯ».....72

Специальная рубрика

А.Н. Окара

В ОКРЕСТНОСТЯХ НОВОГО КОНСТАНТИНОПОЛЯ, ИЛИ
ВОСТОЧНОХРИСТИАНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ОБЩНОСТЬ
ПЕРЕД ЛИЦОМ НОВЕЙШЕГО МИРОВОГО ПОРЯДКА.....80

Новые книги.....97

Contents.....98

ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ШВЕДСКОЙ МОДЕЛИ «БЛАГОСОСТОЯНИЯ»

А.П.Сафронов, кандидат философских наук, Фонд социальных исследований (Москва), эксперт

Оригинальный инновационный проект XX столетия - шведское государство «социального благоденствия» окончательно сложилось к середине 1960-х годов¹. С тех пор эта модель уравновешенного, справедливого социального порядка, называемая в академических и политических кругах «шведской», стала популярным объектом не только научного изучения, но и горячей журналисткой полемики. На протяжении последних сорока лет в Западной Европе многие левые политики, а также экономисты и обществоведы социал-демократической ориентации доказывали, что «шведский путь» есть наиболее гуманный, наиболее мягкий способ перехода от «дикого» капитализма к «мягкому», демократическому социализму. Хотя мощная возвратная волна ультралиберальной, рыночной политики, захлестнувшая в 1990-е годы не только развитый Запад, но и страны «третьего мира», охладила массовый интерес к шведскому варианту «благоденствия», тем не менее данная модель социального устройства по-прежнему остается привлекательным образцом для подражания. Безусловно, шведский опыт может быть полезен и для современной России, где сегодня верховная власть пытается выстроить нечто похожее на эффективное «социальное государство».

Однако здесь не следует впадать в крайности, преувеличивая ценность так называемого «шведского социализма», выдавая локальный пример социального равновесия за генеральную историческую перспективу. Для критической оценки универсальной «полезности» шведского опыта есть две фундаментальные причины.

Во-первых, шведская модель сама по себе уникальна, поскольку возникла как продукт своеобразного баланса сил между владельцами средств производства: крупной и средней буржуазией, с одной стороны, и классом наемных работников, поголовно вовлеченных в крупные, влиятельные профсоюзы, с другой. По этой

¹ Впрочем, явный уклон Швеции в сторону «демократического социализма» на Западе подметили намного раньше. Уже в 1932 году американская газета «Крисченс сайенс монитор» публикует серию статей под названием «На полпути к Утопии: Швеция». (См.: Литторин С.О. Крушение социалистического мифа. Расцвет и упадок государства благосостояния в Швеции. Минск, 1991. С. 20.) Также следует иметь в виду, что современное «государство благосостояния» возникло впервые не в Швеции, а в Новой Зеландии в 1938 году. Но именно в Швеции эта модель социально-политического строя достигла своей высшей формы. (Об этом: Davidson A. Two models of welfare. The origins and development of the welfare state in Sweden and New Zealand. Uppsala, 1989. P. 1.)

причине буквальное клонирование шведской модели «благополучия» другими странами, равно как и реализация «модифицированной» шведской модели с учетом поправок на национальную или культурную специфику той или иной страны заранее обречено на провал.

Во-вторых, и это самое важное, шведская модель «благополучия» имеет внутренние системные изъяны, которые апологеты «демократического социализма», призывающие к воспроизведению шведской модели на иной исторической почве, часто просто игнорируют. Именно указанные изъяны или системные противоречия «шведского социализма» мы и попытаемся кратко проанализировать.

Чтобы объективно выявить внутренние противоречия шведской модели, нам, конечно, следует дать ее беглую, описательную, социологическую характеристику. При этом мы отдельно осветим те аспекты государственной социальной политики, которые задают тон всем тектоническим процессам, протекающим в недрах шведской общественной системы. Параллельно внимание будет уделено идеологической стороне взаимодействия социал-демократического государства с наемными работниками. Не упустим мы из виду и экономический (монетарный) аспект «шведского социализма», который чаще всего, хотя и не всегда обоснованно, подвергался жестокой критике западными специалистами.

Итак, суть шведской модели «благополучия» (на поверхностный взгляд) сводится к следующему: государство всемерно и последовательно проводит «производственную» социальную политику, инвестируя средства в обеспечение занятости и мобильности рабочей силы, ее переподготовку, образование взрослых, профилактику болезней и несчастных случаев, помощь семьям². Подобный тип общественного устройства находит обоснование в идеологии шведской социал-демократии, которая держится у власти очень давно: с 1932 по 1976-й год и с 1982 года (с короткими перерывами) по настоящее время. Эта идеология сводится к пяти принципам: всеобщая занятость; единая социальная политика; производственная демократия; солидарная политика заработной платы; активная политика по формированию рынка труда; концепция образования коллективного капитала³.

Данные идейные ценности шведской социал-демократии по-своему вполне объемно и точно выразил премьер-министр и социалист Т. Эрландер, руководивший страной в 1946-69 годах. Он был искренне убежден в том, что: «Человек должен иметь возможности применять свои способности для иного, чем для борьбы за сносное существование. Единство устремлений, уважение к ближнему, чувство причастности к общему делу и влияние на жизнь общества так

² Такова, например, точка зрения видного деятеля шведской социал-демократии Ё.Эспинг-Андерсена. См. сборник статей: *Создавая социальную демократию: Сто лет социал-демократической партии Швеции.* / Под ред. К.Мисгельда. М., 2001. С. 72.

³ *Создавая социальную демократию... С. 515-517.*

же важны для человеческого существования, как и рост материального благополучия»⁴.

Вместе с тем, помимо мирной социалистической философии, выросшей как на почве классического марксизма, так и на почве ревизионизма, на идеологию шведских социал-демократов оказала существенное влияние экономическая теория Дж. Кейнса. Как известно, кейнсианство пропагандировало активное вмешательство государства (через регулирование налогов и процентной ставки) в рыночную сферу. Следуя этим рекомендациям, шведские социал-демократы увеличили к 1940-му году долю налогов в составе шведского ВВП до 14,8%, а в 1989 году этот показатель соответствовал уже 55,8%⁵. Приблизительно на этом уровне он сохраняется и поныне.

Подобно другим социал-демократическим партиям, оказавшимся у власти в странах Западной Европы: во Франции, Дании или ФРГ, шведские социал-демократы проводили четкую границу между собственной официальной доктриной и повседневной реальностью. Не зря практическая организационная мощь шведской социал-демократии всегда была связана, в том числе, с тем, что между партией и профсоюзами образовалась тесная взаимосвязь - каждый шведский работник, вступающий в профсоюз, автоматически становится членом местной социал-демократической ячейки⁶.

Любопытно и то, что социал-демократия Швеции давно отказалась от «классового подхода» к политике и потому сегодня она не считает рабочий класс единственным объектом своего влияния. Еще в 1929 году шведские социалисты заложили основание для так называемой политики «дома народов» [folkhem], призванной служить интересам «всего народа», в том числе и интересам предпринимателей⁷. Таким образом, «шведский социализм» никогда не имел классового характера и его главной задачей изначально была не «защита интересов труженика», а сохранение в стране надежного классового мира. Насколько финансовая поддержка малоимущих и трудовых классов содействовала укреплению пресловутого «классового мира», настолько она и реализовывалась на практике. И шведские социал-демократы тонко чувствовали ту грань, которую нельзя переступить без того, чтобы не ущемить стратегические интересы крупной и средней буржуазии.

На что же направлена шведская «социальная политика»? Активность шведского «государства благосостояния» охватывает, главным образом, ниже перечисленные сферы общественной жизни: взаимоотношения наемных работников и предпринимателей; выплаты пенсий и разного рода социальных пособий; заботу о здоровье граждан; обеспечение нуждающихся муниципальным жильем; начальное, среднее и высшее образование; поиск гражданами нового

⁴ Горохова К.Г. «Государство благосостояния»: шведская модель. М., 1989. С. 15.

⁵ Литторин С.О. Указ соч. С. 42.

⁶ Там же, С. 37.

⁷ Создавая социальную демократию... С. 23.

места работы и их переквалификация. Обозначим теперь кратко содержательную часть этих направлений.

В области отношений «труда и капитала» центральным пунктом для шведской социал-демократии был перевод энергии пролетариев из плоскости уличной или цеховой наступательной борьбы (стачки, забастовки) в плоскость мирных, кабинетных договоров. Еще в конце 1930-х годов ЦОПШ (Центральное объединение профсоюзов Швеции) заключило единое соглашение с Объединением работодателей Швеции (ОРШ) относительно переговоров, охраны труда и мирных отношений между трудом и капиталом⁸. В 1973 году был принят закон о гарантиях занятости, который обеспечивал работникам защиту от произвольных увольнений, а в 1976 году утвержден закон об участии в управлении, предоставивший профсоюзам возможность участия в принятии корпорациями важнейших решений. Широко рекламируемый шведскими социал-демократами «принцип солидарности на рабочем месте» сводился к тому, что ставки заработка для рабочих одной специальности, равной квалификации, выполняющих сходные работы, были одинаковы для всех предприятий отрасли⁹.

Что касается пенсионного и социального обеспечения, то здесь Швеция достигла наиболее осязаемых успехов. В 1959 году тут была введена, помимо обычной, еще и Всеобщая дополнительная пенсия (ВДП). Кроме выплат по основной пенсионной схеме, ВДП обеспечивает пенсии по старости, по досрочному выходу в отставку, по болезни, а также семейные пенсии. Причем размеры ВДП исчисляются из заработка в «лучшие» 15 лет службы¹⁰. Пенсию по старости или «народную пенсию» в Швеции получают все граждане, достигшие 65 лет, независимо от того работал человек или был на иждивении. В случае если пенсия у гражданина единственный источник дохода к ней предусмотрена надбавка в размере 48%. Помимо прочих льгот, шведские пенсионеры оплачивают лишь 50% стоимости проезда на общественном транспорте, имеют скидки в размере 20-70% на посещение театров, музеев, выставок и т.п. Однако усугубляет ситуацию то, что в среднем на одного пенсионера приходится всего трое работающих¹¹.

Народному здравоохранению в Швеции традиционно уделялось много внимания. Заслуживает упоминания тот факт, что страхование по болезни и инвалидности было введено в Швеции еще в 1891 году. В этой стране государство - собственник средств производства в здравоохранении, и оно же руководит административной службой здравоохранения, планирует и финансирует ее деятельность. Медицинская помощь почти во всех ее видах – бесплатна для основных категорий граждан. При этом к шведскому здравоохранению предъявляется и немало претензий. Смысл их не в том, что качество медицины слишком низкое, а в том, что «бесплатность» подобной услуги создает избыточный спрос. Как отмечает критик «шведского социализма» С.О. Литторин: «В

⁸ *Создавая социальную демократию... С. 112.*

⁹ *Горохова К.Г. Указ. соч. С. 17.*

¹⁰ *Литторин С.О. Указ. соч. С. 24.*

¹¹ *Горохова К.Г. Указ. соч. С. 30.*

здравоохранении Швеции установлены настолько низкие цены, что расходы пациентов являются чисто символическими, не выше 10% истинной стоимости обслуживания, что порождает беспредельный рост потребностей. Качественное лечение и уход в Швеции остаются привилегией процветающих и влиятельных людей. Рядовые же граждане торчат в бесконечных очередях...»¹². С другой стороны, подобный дефицит лечебных услуг частично компенсируется тем, что пособие по болезни составляет 90% от месячного заработка.

Обеспечение наемных работников бесплатным жильем или жильем с фиксированной ставкой арендной платы также было главной задачей большинства социал-демократических правительств. Но, несмотря на интенсивное жилищное строительство, развернутое в Швеции в 1960-х - 70-х годах и по инерции продолжавшееся до середины 1990-х, жилищная проблема была здесь решена только фрагментарно. Например, в 1989 году 620.000 шведов (около 15% трудоспособного населения) стояло в очереди на государственное жилье¹³. При этом возможности приобрести квартиру или дом на открытом рынке у большинства населения не было, и до сих пор нет в силу чрезвычайной дороговизны шведской недвижимости.

Система образования в Швеции в целом выстроена оптимальным образом. Например, более 99% детей посещают муниципальные школы бесплатно¹⁴. Увы, но ценность высшего образования в Швеции, как, впрочем, и во многих других странах ныне девальвируется. Те шведы, которые оканчивали университеты в 1960-е годы, почти автоматически получали хорошо оплачиваемую работу. Спустя четверть века выпускнику вуза гарантируется лишь возможность получения работы, но не обязательно по специальности и без перспектив продвижения по службе¹⁵. Впрочем, позитивным моментом является то, что до сих пор среднее, специально-техническое и высшее образование в Швеции (в государственных учебных заведениях) – бесплатное.

Очевидно, что те немалые суммы, которые шведское «государство благосостояния» отпускает на нужды наемных работников и членов их семей, не берутся «из воздуха». Швеция – единственная страна в мире, где доля расходов на социальное обеспечение в ВВП превышает 42%¹⁶. Парадокс в том, что государство не производит прибавочный продукт на «общественных» предприятиях, как это было, предположим, в странах восточного социалистического блока. Оно извлекает необходимые ему для проведения социальной политики финансовые ресурсы посредством изощренной и обременительной системы налогообложения. Удивительно, но главным объектом шведского налогообложения оказывается не предприятие или бизнес-единица, а индивидуальный наемный труженик или, в меньшей степени (по причине больших доходов), - индивидуальный

¹² Литторин С.О. Указ. соч. С. 50-52.

¹³ Там же, С. 58.

¹⁴ Там же, С. 25.

¹⁵ Горохова К.Г. Указ. соч. С. 45.

¹⁶ Там же, С. 20.

предприниматель. В Швеции действуют два вида налогов на личные доходы: пропорциональный, - направляемый в местные бюджеты, и прогрессивный, - который платят центральному правительству. В итоге, максимальная ставка на средний доход рабочего составляет – 50-65%, служащего – 80%¹⁷.

Еще один нюанс, который надо учитывать, анализируя шведское «государство благосостояния» – это та весомая роль, которую играют в социальной политике муниципальные органы власти. В 1950 - 60-е годы шведские местные муниципалитеты были превращены в значимое звено административной власти. В итоге, расширение «общественного сектора» происходило именно за счет услуг, оказываемых муниципалитетами и округами: всеобщее образование, медицинские услуги, услуги по уходу и т.д. В тот же период в целях экономии и рационализации управления было резко сокращено количество муниципалитетов: с 2500 до 280 посредством их слияния¹⁸. Такое перераспределение полномочий в пользу местных органов власти, с одной стороны, идет на пользу наемным работникам, получающим от муниципалитетов до двух третей материальной и организационной социальной поддержки. С другой стороны, процедура предоставления этих социальных благ становится в высшей степени бюрократичной и зарегулированной, напоминая о худших образцах чиновничьего всевластия в СССР брежневского периода.

Если говорить о финансовом аспекте проблемы «всеобщего благоденствия», то для современной Швеции характерны два процесса – сближение доходов высокооплачиваемой части рабочего класса и средних слоев и рост имущественной поляризации. По существу львиная доля шведского национального дохода остается в руках крупных и частных собственников, тогда как лица наемного труда (пролетарии и служащие) получают меньшую часть валовой прибавочной стоимости. Да и то, основная часть денежных средств, которая доходит до них в виде разного рода «социальных» выплат, есть не что иное, как этими же наемными работниками созданная стоимость, которая просто ранее была изъята у них посредством специально настроенной системы налогообложения.

Подводя итоги изложенного, можно сказать, что реально существующая шведская модель «благоденствия» весьма далека от тех пасторальных картин, которые порой рисуют нам сторонники социал-демократического реформизма. Действительный, а не воображаемый «шведский социализм» есть весьма сложное и противоречивое явление, заслуживающее здоровой и более чем критической оценки. Впрочем, здесь следует различать два типа противоречий: формальные и коренные. К категории «формальных» или частных противоречий шведской модели «благосостояния», на наш взгляд, следует отнести: 1. Конфликт рыночных отношений и государственного регулирования (основная критика шведской модели ведется сегодня именно с ультралиберальных, монетаристских позиций); 2. Недовольство относительно малочисленных, но политически консолидированных

¹⁷ Горохова К.Г. Указ. соч. С. 18.

¹⁸ Линд Р. Процессы преобразований в общественном секторе Швеции. СПб., 1998. С. 25.

шведских «белых воротничков» такой системой перераспределения налогов, которая, в первую очередь, направлена на удовлетворение нужд мало оплачиваемых и среднеоплачиваемых наемных работников. 3. Недовольство пролетариата, мелких служащих и подобных категорий граждан, т.е. тех лиц, ради которых создавалось «государство благосостояния», дефицитом бесплатных или относительно недорогих «социальных» продуктов и услуг: квартир, пособий, образования, медицинской помощи и т.д. Ведь данный дефицит - неотъемлемый элемент любого половинчатого, экономического «социализма», ориентированного на удовлетворение преимущественно потребительских инстинктов населения.

Корневое же противоречие шведской модели «благосостояния», по нашему мнению, состоит в том, что она базируется не на контроле над индустриальным производством (т.е. на контроле над собственностью крупных и средних корпораций), а на контроле над распределением уже созданного продукта или, точнее, на контроле над частью заработной платы собственных граждан. Шведское «социальное государство» имеет единственным источником дохода налоги и потому американский социолог и экономист Дж. Бьюкэнэн вполне законно называет подобный тип социально-политического устройства «государством трансфера». Дж. Бьюкэнэн, анализируя экономическую природу «шведского социализма», отмечает следующее: «Взятое как идеальный тип «государство трансфера» не предоставляет напрямую товары или услуги и не финансирует напрямую товары или услуги. «Государство трансфера» всего лишь взимает налоги с индивидов и групп, находящихся в его юрисдикции, и переводит [transfers] эти средства в виде выплат наличными другим индивидам и группам данного политического сообщества. Соответственно, «государство благосостояния» есть лишь разновидность «трансферного государства»²⁰.

В условиях подобного «государства трансфера», которое иначе можно еще называть «фиктивным социализмом»²¹, класс наемных работников создает прибавочную стоимость не только для владельцев средств производства (крупной и средней буржуазии, как собственной, так и транснациональной), но и для бюрократического аппарата центральных и муниципальных государственных органов, для бюрократической верхушки профсоюзов и социал-демократической партии. В свою очередь, шведское государство направляет полученный за счет высокого налогообложения доход за вычетом транзакционных издержек все тем же наемным работникам и членам их семей. Так в массовом сознании складывается миф об «отеческой заботе» государства. В этом, кстати, принципиальное отличие шведской модели «государства благосостояния» от новозеландской «социалистической» модели. Шведское «государство благоденствия» изначально занимает универсалистские позиции, стараясь взять под свое крыло подавляющее большинство наемных работников, независимо от того, нуждаются они в

²⁰ Buchanan J. *The political economy of the welfare state*. Stockholm, 1988. P. 7.

²¹ Среди специалистов, изучающих особенности шведского «государства благоденствия» большей популярностью пользуется другой, политкорректный и уклончивый термин: «функциональный социализм».

государственной поддержке или нет. В то же время «социальное государство» в Новой Зеландии предоставляет избирательную, но всеобъемлющую социальную поддержку только тем лицам, кто по каким-то причинам оказался за чертой бедности²².

Иными словами, в Новой Зеландии государство изымает у своих граждан (по их согласию) через налоги сумму, достаточную, чтобы содержать сам аппарат управления, а заодно помочь аутсайдерам, маргиналам и всем тем, кто оказался «на обочине» общественной жизни. В Швеции, напротив, существенная доля изымаемой через налоги прибавочной стоимости прокручивается «впустую». Ибо она, в конечном счете, возвращается, правда в «усохшем» виде, в тот же карман, откуда была до того взята. Отсюда можно сделать простой вывод: социальные, или, как их именуют социал-демократы, «умеренно социалистические» реформы, затрагивающие только сферу распределения, всегда оказываются половинчатыми и в долгосрочной перспективе – непременно убыточными. Любая попытка улучшить изнутри такой «распределительный (трансферный) социализм» будет усугублять системные противоречия, скрытые в недрах этого социально-политического порядка. И большая часть грядущих материальных издержек, связанных с реставрацией или модернизацией этой модели «государства благоденствия», вновь ляжет на плечи класса наемных работников.

²² Детальное сопоставление двух формально схожих, а, по сути, противоположных моделей «социального государства»: шведского и новозеландского дано в упомянутой выше примечательной работе А.Давидсовна. См.: Davidson A. Two models of welfare. The origins and development of the welfare state in Sweden and New Zealand. Uppsala, 1989.